

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Жуковский и время

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2007

Э.М. Жиликова

Мария Эджворт в контексте творчества В.А. Жуковского

Среди европейских писателей, привлекавших внимание В.А. Жуковского на протяжении длительного времени – с 1800-х до 1850-х годов, – можно назвать имя Марии Эджворт (Maria Edgewort, 1767–1849), вошедшей в историю английской литературы как автор повестей, романов и педагогических трактатов. Устойчивый интерес Жуковского к творчеству М. Эджворт был обусловлен своеобразием нравственно-философской и эстетической позиции английской писательницы. В ее творчестве отчетливо проявились национальные особенности английской культуры, философии и литературы, сказавшиеся в актуализации проблем нравственной практической философии и этики во всех сферах деятельности человека. Пафос эпохи Просвещения, сформировавшей основные принципы жизненного поведения и эстетики М. Эджворт¹, выразился в универсальном для всей деятельности писательницы синтезе педагогики и художественного творчества. В каждом из ее произведений неизменно сочетаются идеи просвещенного правителя (монарха, государства) с вольнолюбивой по своему смыслу концепцией права личности на свободу, самоопределение. В этом синтезе, предвещавшем романтические принципы и вместе с тем сохранявшем верность эстетике нравоописательного реализма эпохи Просвещения, сказалось ирландское сопротивление английскому протекторату и одновременно глубокое уважение к законам Великобритании, утверждавшим право личного достоинства. Жуковского, редактора «Вестника Европы» 1808–1810 года, М. Эджворт интересовала как оригинальный писатель с целостной системой сложившихся эстетических принципов.

На протяжении 1808–1810 годов на страницах «Вестника Европы» было напечатано четыре перевода из М. Эджворт: три повести в переводе Жуковского и «Отрывок письма из Ирландии» – перевод с французского, подписанный «Ф. Бък-в». Анализ переведенных повестей в контексте публикаций «Вестника Европы» позволяет поставить вопрос о значении прозы М. Эджворт в становлении и развитии Жуковского-прозаика.

Перевод первой повести – «Прусская ваза» («Вестник Европы», 1808, № 20–21) – связан с устойчивым мнением о том, что он был сделан Машей Протасовой, исправлен Авдотьей Петровной Киреевской, после чего опубликован в «Вестнике Европы»². У этой версии есть основания. Известна практика переводов, предпринимавшихся по рекомендации поэта его юными ученицами-племянницами. Сначала перево-

ды делались в педагогических целях, позже – по заданию Жуковского. Так в письмах Дуняши Юшковой 1801–1802 годов не раз сообщается о ее работе над переводами³

В ОР РНБ хранится рукописная копия перевода «Прусской вазы» в форме тетради, сшитой из синей бумаги того же размера и качества, как та, на которой запечатлен автограф Жуковского «Перечень задуманных произведений (1800–1810 годов)». Копия, названная «Прусская ваза» и озаглавленная в паспорте как «Первоначальная редакция перевода (1807–1808)»⁴, выполнена тремя характерными почерками, позволяющими действительно предположить участие в ее создании (или переписке) сестер Протасовых, Маши и Саши, и Анны Юшковой (возможно, и Авдотьи Юшковой, которая в это время была уже замужем за В.И. Киреевским). За отсутствием чернового автографа вопрос об авторстве остается открытым, однако необычайная точность следования этого перевода за оригиналом, искусственность и тяжеловесность некоторых синтаксических конструкций, исправленных в журнальном варианте, выдают ученический характер работы. Но в любом случае сравнение рукописного текста перевода и повести, напечатанной в «Вестнике Европы», предоставляют важный материал для характеристики нравственной, общественной и эстетической позиции Жуковского⁵ и его бунинско-муратовского окружения.

Сам выбор повести, в основу которой положен сюжет о несправедливых поступках государя в отношении плененной художницы Софьи Мансфилд и невинно заключенного под стражу офицера Августа Ланицкого, вступившегося за ее честь, определенно характеризует позицию Жуковского и его помощниц как неприятие насилия в отношении слабых и глубокое сочувствие к жертвам произвола. Жуковский на протяжении всей повести сохраняет четко обозначенную в повести М. Эджворт оппозицию понятий: свобода и рабство⁶. В копии перевода и в журнальном тексте, варьируясь, в целом сохраняется антимонархическая лексика, повторяются слова «деспот», «тиран», восходящие к оригиналу.

Мысль о необходимости участия в судьбе бедных людей и глубоко-го к ним сострадания (в повести речь идет в первую очередь о талантливой, но безграмотной и безответной художнице Софьи Мансфилд) получила дополнительную энергию за счет журнального контекста, в котором повесть была напечатана. В № 21, где завершалась публикация «Прусской вазы», в X разделе была напечатана рецензия Жуковского «О новой книге», в которой шла речь о переводе «Училища бедных», сочинении Госпожи ле Пренс де Бомон, сделанном Настасьей Плещеевой, матерью друга Жуковского, А.А. Плещеева, бабушкой будущих декабристов. Рецензия Жуковского явилась органичным продолжением

темы, обозначенной в «Прусской вазе», – о необходимости просвещения среди бедных людей. «Просвещение, – рассуждает Жуковский, – что бы ни говорили о нем суровые люди, которые судят о вещах по одному только их злоупотреблению – необходимо для человека во всяком состоянии и может быть благотворительно в самой хижине земледельца. Я разумею под именем Просвещения приобретение настоящего понятия о жизни, знания лучших и удобнейших средств ею пользоваться, усовершенствования бытия своего, физического и морального» (№ 21, с. 68). Таким образом, повесть М. Эджворт обретала на страницах «Вестника Европы» особую актуальность, общественную и нравственную направленность, обусловленную важностью вопроса об институте крепостного права в России.

The Prussian Vase

«*A despotic sovereign! You will not then call your Frederic a despot!*» – whispered the English traveler to young Pole, as they entered the china – works at Berlin. <...> But in the mean time look around you, and read your monarch's history in the eyes of this prisoners <...>⁷
(*Деспотичный монарх! Вы не назовете вашего Фридриха деспотом?* – прошептал английский путешественник юному поляку, когда они вернулись от китайского фарфора к Берлинскому. <...> Но взгляните вокруг и прочтите историю монарха в глазах этих пленников).

Копия РНБ

«*Самодержавного монарха!* Осмеливаюсь назвать *деспотом* героя вашего Фридриха! – сказал молодому поляку Англичанин, входя вместе с ним на фабрику. <...> Но взгляните вокруг себя, посмотрите, что стоит эта пустая прихоть одного человека многим людям? Прочтите в глазах сих *нещастных пленников* эту часть истории вашего короля. Можно ли иначе назвать искусных этих художников, *силою разлученных с отечеством и семейством?*» (РНБ, л. 2).

«Вестник Европы»

«Итак, Герой Фридрих, – сказал англичанин на ухо Ланицкому, осмотрев некоторые работы фабрикантов, – дает себе иногда волю быть *самовластным и притеснителем*. <...> Но скажи мне, что заменит потерянное счастье для этих *бедных невольников*, которые в угождение прихотливому человеку, *навеки разлучены с любезным отечеством?*»⁸

Повесть М. Эджворт приобщала Жуковского к проблемам реальной истории и обучала способам ее изображения. В копии перевода и в журнальном тексте в полном объеме сохранены, а порой уточнены исторические реалии, связанные с характеристикой прусского короля Фридриха II Великого (1712–1786) и его эпохи. В первой строке повести четко определено время действия: «Фридрих II, король Пруссии, после завоевания Саксонии <...>», то есть речь идет о событиях, развернувшихся после окончания семилетней войны (1756–1763). Вслед за М. Эджворт Жуковский воссоздает через детали мирного и военного

быта, через топонимы, названия произведений искусства, картину Фридрихова времени: реформирование судов, организация военных школ, маршировка и парады на плацу в Потсдаме, дворцовая жизнь, картинная галерея в Сан-Суси, крепость в Шпандау, увлечение производством фарфора (упоминаются имя известного английского мастера Веджвуда из Эртрурии, название итальянской вазы Барберини); нищенское положение рабочих на Мейссенской и Берлинской мануфактурах; активное общение Фридриха с учеными и художниками Европы. Так, прусскую вазу король намерен был отослать в подарок «*bel esprit of your acquaintance*» (букв.: *остроумному человеку* из вашего круга знакомых). В копии эта фраза переведена: «Я <...> хотел уже послать сию вазу в Париж к одному ученому, общему нашему другу» (РНБ, л. 8). Жуковский в журнальном тексте «проявляет» историческое содержание этого определения: «Я хотел подарить эту вазу Вольтеру» (№ 20, с. 284).

Таким образом, следуя за М. Эджворт, Жуковский стремится к созданию разносторонней характеристики, объемного портрета исторического лица – Фридриха II Великого, отмеченного как властностью деспотичного прусского короля, так и чертами просвещенного монарха. В поисках форм создания исторической картины, понятной и достоверной для русского читателя, Жуковский русифицирует отдельные слова, но, что важно подчеркнуть, сохраняет при этом историко-архивный колорит, подчеркивающий временную дистанцию. Так, адвокаты называются «стряпчими», прошение «челобитной», кроны «рублями» (в копии) и «ефимками», залы «горницами» (в копии) и «сенями».

Значение для Жуковского школы исторической «точности», представленной в прозе М. Эджворт, становится особенно очевидным при сравнении трактовки сюжета о Фридрихе Великом в прозе и поэтическом тексте, созданном в это же время. В № 9 «Вестника Европы» за 1808 год была опубликована баллада Жуковского «Людмила» с подзаголовком «Русская баллада» и примечанием поэта: «Подражание Бюргеровой Леоноре». Ранее, в 1796 году, перевод этой же баллады Бюргера был предпринят В. Скоттом («*Willam and Helen*»). Оба поэта-романтика, Жуковский и В. Скотт, оценили значимость и эстетический потенциал исторического компонента бюргеровской баллады, начинавшейся с упоминания о возвращении солдат на родину после окончания войны Фридриха и австрийской императрицы Марии-Терезии (1741–1774 годы)⁹. Оба поэта использовали исторический хронотоп исключительно для создания национального, легендарного колорита баллад. Жуковский относит действие в «Людмиле» ко времени Ливонских войн (XVI–XVII века), В. Скотт – к эпохе крестоносцев, где королем в его рыцарской балладе может считаться как Фридрих II Гогенштауфен (1194–

1250), так и Фридрих Воинственный (1211–1246). То есть в поэтической романтической балладе внимание акцентировано на постановке нравственно-философских проблем, касающихся драматических сторон человеческого бытия, получивших воплощение в стихии легендарно-таинственного, рыцарски-туманного далекого прошлого. Этим можно объяснить вольное обращение с историческим временем оригинала. Судя же по тщательности сохранения исторических реалий в «Прусской вазе», на экспериментальном поле переводов из прозы, в частности из М. Эджворт, в рамках романтического художественного мышления происходило усложнение исторического видения Жуковского, формировались новые подходы к изображению человека. При этом центром художественной стратегии переводчика остается герой и его психология. Так, в журнальном варианте, по сравнению с оригиналом и копией, Жуковский делает целый ряд сокращений, что придает развитию сюжета большую динамику и драматизм. Сокращения касаются в первую очередь повествовательно-описательного пласта: исключено упоминание о проекте Фридриха обучать военному делу евреев, рассуждение о стремлении прусского короля понравиться европейским выдающимся людям, в частности английскому путешественнику писателю. При описании судебного следствия Жуковский заменяет рассказ повествователя о ходе следствия драматической формой диалога, к которому в повести часто прибегает сама М. Эджворт. Принципиально новым в переводе Жуковского явился характер освещения конфликта и облика героев. Позиция М. Эджворт отмечена стремлением к рационально взвешенному выявлению и объяснению случившегося конфликта: описание злодейского подлога, ареста невинного человека, несправедного гнева короля уравнивается в процессе повествования картиной судебного разбирательства, осознания Фридрихом несправедливости своего подозрения и освобождения из-под стражи офицера Ланицкого. Жуковский же ставит акцент на нравственно-этическом аспекте конфликта, на выявлении драматизма самой ситуации. В финале снят диалог Альберта, друга и адвоката Августа, с англичанином, где тот с гордостью говорит о превосходстве английской конституции над всеми европейскими: «Much as I admire your king of Prussia, I admire our English constitution more» (Я очень восхищаюсь вашим прусским королем, но еще более нашей английской конституцией). Журнальная редакция финала, ставящая победную точку на благородном признании королем своей ошибки и великодушном жесте обмена шпагами, тем более замечательна, что в копии финал соответствует оригиналу: «Да, конечно, – сказал Англичанин, – с трудом решившийся похвалить Государя-деспота. – Но вы согласитесь со мною, что суд этот бывшей у вас милости у нас есть пра-

во, и если я должен удивляться качествам вашего короля, то они больше еще заставят меня любить бесценные законы моего отечества!» (РНБ, л. 19об). То есть Жуковский, отказавшись от финала оригинала, акцентировал внимание на психологии героев, в частности Фридриха, проявившего ум и уважение к решению суда. В журнальном варианте Жуковский последовательно нейтрализует резкие оценки М. Эджворт, сохранявшиеся в копии перевода, направляя повествование в план изображения психологического состояния героев, используя метафоры и другие поэтические формы, включая ритмическую организацию текста.

The Prussian Vase

There were, indeed, many countenances in which great dejection was visible. «Look at that picture of melancholy» – resumed the English man. Pointing to the figure of Sophia Mansfield, – observe, even now whilst the overseer is standing near he, how reluctantly she works! ‘Tis the way with all slaves. (P. 179).

(Действительно, на многих лицах было уныние. Взгляни на эту печальную картину (меланхолии), – продолжал англичанин, указывая на Софию Мансфилд, – даже сейчас, когда надсмотрщик стоит рядом, как неохотно она работает! Это дорога всех рабов).

Копия

В самом деле, на лицах сих несчастных видна была горесть, снедающая их сердце. Взгляните пожалуйста на этот *печальный образ меланхолии*, – продолжал Англичанин, указывая на Софию Мансфилд, – посмотрите, с каким отвращением она работает: таков жребий всех невольников! (РНБ, л. 2об).

«Вестник Европы»

Взгляни на *бледные, задумчивые* лица их, взгляни на эту молодую девушку, – продолжал он, указывая на Софию, – ей, верно, не более семнадцати лет, но она *почти увяла, и горесть, написанная на лице ее, конечно, умертвит ее прежде времени*. Посмотри, с каким отвращением она работает: таков жребий невольников! (№ 20, с. 271).

Жуковский усиливает идеализацию героев, ставших жертвами несправедливости, и одновременно сгущает мрачные краски в характеристике еврея, подменившего подпись на вазе. Меняется облик Августа Ланицкого. В повести Эджворт это молодой человек, отличавшийся более прямоотой и горячностью, чем осторожностью. В переводе облик Ланицкого приобретал черты благородного пылкого чувствительного героя, неспособного на резкость и несправедливость. Так Жуковский в журнальном варианте вносит дополнительные психологические детали при описании радости Августа: «*Пламенные, восхищенные* взоры Ланицкого издали еще возвестили ей счастье. *Задыхаясь от усталости, вбежал он в комнату графини, сложил руки любовников и мог только произнести одно слово: «Свобода! Вы счастливы!»*» (ср. в оригинале:

«<...> he hurried away <...> and Laniska's generous heart sympathized in her happiness» – (он заспешил <...> и великодушное сердце Ланиски сочувствовало ее радости). Эта же тенденция проявляется в работе над образами Софы Мансфилд, матери Августа, Альберта. Напротив, образ Соломона получает дополнительные, снижающие черты начиная с портретной зарисовки.

The Prussian Vase

This jew was an old man, and there was something remarkable in this looks. His head was still, his neck was stiff; but his eyes moved with incessant celerity from side to side, and he seemed uneasy at not being able to see what was passing behind him: there was a certain firmness in his attitude; but his voice trembled when he attempted to speak (P. 206).

(Еврей был старым человеком и имел что-то замечательное в глазах. Голова его была неподвижна на крепкой шее, но глаза бегали непрерывно из стороны в сторону, казалось, он испытывал неловкость из-за невозможности видеть все, что происходило вокруг него; голос его дрожал, когда он попытался отвечать).

«Вестник Европы»

Наружность его имела что-то необыкновенное и *отрапительное*; он был чрезвычайно сух и прям; голова его была неподвижна, но глаза *бегали и сверкали*, казалось, что этот человек, всегда имея в душе *беспокойство*, о чем-то *заботился*, хотел все видеть, *досадовал*, что не имел назади глаз. Вид его был смелый, но он оглядывался по сторонам, когда начинал говорить, и голос его, *чрезвычайно неприятный и охрипый*, дрожал» (№ 21, с. 83).

В результате целого ряда изменений в повести отчетливо вырисовывается резкий контур романтического по содержанию конфликта добра и зла. Таким образом, «Прусская ваза», опубликованная на страницах «Вестника Европы» в контексте с другими произведениями, поднимающими вопрос о неблагоприятии положения низкого сословия в обществе, обладала особой значимостью для русского читателя. Для Жуковского перевод явился опытом художественного воплощения исторической эпохи «домашним образом» и практикой эстетического освоения прозаического материала обывоченной жизни.

Чуткость Жуковского к жанровой природе повести М. Эджворт, сосредоточенной на обывочном, проявилась в переведенной им повести «Лиммерикские перчатки», опубликованной в № 24 «Вестника Европы» в том же 1808 году.

Эта повесть интересна в нескольких отношениях. В ней получила развитие тема, заявленная в европейской литературе именно М. Эджворт, – тема Ирландии, ее народа, истории и культуры¹⁰. Название повести восходит к имени ирландского города Лиммерик, откуда родом один из главных героев, перчаточник Брион О'Нейлль, достойный молодой человек, помогающий бедным и ухаживающий, долгое время без успеха, за Бетти, дочерью англичанина г. Гилля, кожевника и старосты

кафедральной церкви в городе Герфорте. Тема враждебности и неоправданного снобизма англичан в отношении к ирландцам, оказавшимся более щедрыми, добрыми и нравственными, получит продолжение на страницах «Вестника Европы» (1809, № 11) в переводе «Отрывка письма из Ирландии. (Из соч. госпожи Эджеворт)», где речь пойдет о мифологии ирландцев, о феях, об обряде погребения, а в заключительной части «Письма» будет рассказано о тяжелом положении ирландского мужика: «Он беден, угнетен, поневоле промышляет обманом; этому нельзя быть иначе в такой земле, где образованность, истребив в высшем классе народа страсти дикие, самыми выгодами своими возродили по необходимости страсть к деньгам». Таким образом, появление на страницах русского журнала «Лиммерикских перчаток» означало факт пробудившегося внимания к Ирландии, что само по себе отразило общий интерес русской культуры к проблемам национальной самобытности и истории других народов.

Повесть «Лиммерикские перчатки» явилась образцом «удивительного нравоописания»¹¹ и художественного интереса к изображению, словами М. Эджворт, «плоской действительности»¹². Героями повести оказались жители города: семьи кожевника и парикмахера, перчаточник, мэр, ворожей-обманщик, вдова Смит, слуга Падди и прочие. Собственно сюжет прост и незатейлив: кожевник г. Гилль возводит наспралину на ирландца, обвиняя его в прошлогоднем отравлении собаки, в злодейском замысле сжечь церковь или разрушить ее подкопом, а потому г. Гилль запрещает своей дочке принимать ухаживания ирландца и его подарки – лиммерикские перчатки. В итоге г. Гилль оказывается обманутым и одураченным ловким авантюристом, прикинувшемся прощителем, и в финале образумившийся отец разрешает дочке принять перчатки и готовиться к венчанию с ирландцем в герфортской церкви. Развитие сюжета погружено в подробное повествование о нравах обитателей маленького английского городка: это характеристика занятий в будни и в праздники, когда звонят колокола и зовут прихожан в церковь; описание одежды – платья, шляпы, банты, перчатки; картины отношений семейных, любовных, административных; зарисовка разнообразных типов невест и их матерей, отцов, бедных и богатых, любящих поест и нечистых на руку, доверчивых и хитрых и т.д. И весь этот пестрый, многоголосый мир освещен стихией юмора: фантастические видения оборачиваются хитрыми проделками ловкого обманщика, страшные предчувствия объясняются прозаическими вещами – крыса прогрызла щель в стене церкви, а снобизм англичанина порождает глупость и неловкость положения. Здоровый, веселый, «сочный и простодушный» ирландский юмор М. Эджворт не мог не импонировать Жуковскому, ищущему реально

твердую морально-этическую точку опоры посреди фантастических и призрачных видений в романтическом балладном мире.

Третьей повестью М. Эджворт, опубликованной на страницах «Вестника Европы» в период редактирования его Жуковским, стала «турецкая повесть» «Мурад несчастный» (1810, № 14). Морализация и нравописание, свойственные прозе М. Эджворт, в «турецкой сказке» обрели черты притчи, включающей в себя сюжет увлекательных приключений в жанре «Тысячи и одной ночи» и исследование нравственно-философской проблемы о счастье и путях его достижения. Вопрос о счастье активно обсуждался на страницах «Вестника Европы» в разных жанрах¹³ и был связан с проблемой самоопределения человека в обществе. Повесть М. Эджворт органично входит в нравственно-философскую проблематику журнала. Обращение к ориентализму оказалось глубоко содержательным: концепция счастья как полного развития духовной и физической стороны жизни человека, гармонического сочетания духовной и практической деятельности нашла адекватное выражение в форме «турецкой сказки», что позволило соединить восточную мудрость с моральными принципами нравственной, практической философии англичан. Развитие сюжета – цепь жизненных неудач Мурада и успехов его брата Саладина – подводит читателя к выводу о том, что «называемое счастьем в поступках людей приличнее называть осторожностью и благоразумием. Саладин должен быть прозван *счастливым и рассудительным*; а Мурад заслуживает более наименования *неосторожного, нежели несчастного*». Мораль повести вполне соотносится с рассуждением из переводной статьи Жуковского «О нравственной пользе Поэзии»: «Щастие человека заключено в совершенстве его природы, а натура его не иная что, как сумма тех сил, которыми одарил его Верховный создатель, и тот, кто возвышает в нем ту или другую силу, какая бы она впрочем ни была, тот без сомнения действует для его блага, ускоряет его стремление к совершенству» (1809, № 3, с. 163).

Интерес Жуковского к жанру повести М. Эджворт имел устойчивый характер. Позже в книге «Contes de Miss Edgeworth» 1840 года издания¹⁴ Жуковский подчеркнет в оглавлении 1-го тома названия пяти повестей: «Simple Suzanne», «Laurent le Fainéant», «Une Révolte de college ou l'Esprit de partie», «Mademoiselle Panache», «Les Orphelins»¹⁵.

Жуковский высоко ценил просветительскую направленность творчества М. Эджворт и ее деятельность как педагога, автора книг о воспитании детей. Об этом свидетельствуют многочисленные издания педагогических работ М. Эджворт в библиотеке поэта, начиная с изданий 1801 года¹⁶. Под влиянием и по рекомендации поэта были осуществлены Елагиной переводы педагогических трудов М. Эджворт, в частности

в журнале «Библиотека для воспитания» опубликовано ее «Практическое воспитание»¹⁷. В переписке Жуковского с А.П. Зонтаг и А.П. Елагиной имя М. Эджворт неизменно находится в ряду самых известных европейских моралистов и педагогов. Жуковский настойчиво рекомендовал А.П. Зонтаг читать прозу М. Эджворт как образец не только стиля книги для детей («Слог для детей должен быть прост и ясен, надобно найти середину между сухостью и болтовней. <...> В собрании Miss Edgeworth есть много прекрасного»¹⁸), но и романа Нового времени. Жуковский в письме к А.П. Зонтаг в апреле 1836 года дал высокую оценку роману «Hélène»¹⁹, поставив М. Эджворт в ряд лучших английских романистов: «Напишите что-нибудь простое, привлекательное истиной происшествий и локальной верностию. А чтобы понастроиться, то перечитывайте лучшие романы В. Скотта, Клариссу, Miss Edgeworth, особенно Hélène. <...> Чтобы нравственность была в применении; но чтобы в самом романе было только живое, верное изображение человека и общества» (УС. С. 112). В письме Жуковский практически оказывается у истоков дискуссии, развернувшейся в 1840-е годы, о будущем русском романе. Поэт советует А.П. Зонтаг взяться за роман, который включит в свой состав «живописную, разнообразную сцену светской жизни, картины природы, воспоминания»: «Можете взять и наш бывший мир, нашу сторону и наши воспоминания: и у нас довольно было лиц, которых верный список будет привлекательным» (УС. С. 112). В размышлениях Жуковского, безусловно, навеянных впечатлениями от чтения романа «Елена», в котором рассказана история духовного становления девушки из провинции на фоне широкой картины нравов английского светского общества и усадебной жизни, спроецированы черты будущей психологической прозы с ее центральной темой – формирование героя, выражающего национальный характер. В письме 1845 года к Соллогубу Жуковский уточняет представление об ожидаемом им типе героя романа: «Пишите русский роман<...>. Но только избавьте нас от противных *Героев нашего времени*, от *Онегиных* и прочих многих им подобных, которые теперь в литературе заменили Шписовых пасторов, студентов и гезелей, привидений покойницы Радклиф, которые все суть не иное что, как бесы, вылетевшие из грязной лужи нашего времени, начавшиеся в утробе Вертера и расходившиеся от Дон Жуана и прочих героев Байрона»²⁰.

В романе «Елена» Жуковский увидел очертания жанра будущего русского романа, обратившегося к изображению жизни в ее обыкновенном и одновременно поэтическом проявлении: широта эпической основы (не случайно так настойчиво рекомендует поэт разрабатывать мотив воспоминаний как памяти истории и культуры), поэзия природы и уса-

дебной жизни, новый тип героя и героини, история их духовного развития («Можно написать не один роман, а несколько, взяв, например, за предмет изобразить судьбу женщины в ее разные фазисы») (УС. С. 112).

Таким образом, развитие Жуковского-прозаика, его движение от повести к роману, создание новых жанровых синтезов в прозе и поэзии осуществлялось в большом контексте русской и европейской литературы, в котором важное место занимала английская писательница Мария Эджворт.

Примечания

¹ См.: Демурова Н.М. М. Эджворт и ее ирландские романы // Мария Эджворт. Замок Рэкрент. Вдали Отечества. М., 1972. С. 353–377; Бельский А.А. Английский роман 1800–1810-х годов. Пермь, 1968. С. 7–46.

² См.: Киселев В.С. Метатекстовые повествовательные структуры в русской прозе конца XVIII – первой трети XIX века. Томск, 2006. С. 339.

³ В 1801 году она пишет Жуковскому; «Et moi, mon cher M. Basil, je vous assure que je vous aime extrêmement, nous avons des nouvelles comédies que je traduirai et je vous enverrai, elles sont très jolies, et je souhaite qu'elle vous plaisent» (РГБ, ф. 104, к. VI, № 40, л. 5об) [А я, мой дорогой Базиль, вас уверяю, что очень люблю вас; у нас есть новые комедии, которые я переведу и вам вышлю; они очень милы, и мне хочется, чтобы они вам понравились].

В 1802 году Дуняша сообщает «любезному, дорогому кузену» о работе над переводом повестей г-жи Жанлис: «O mon cher Cousin, Eudoxie est bien heureuse de pouvoir faire quelque chose pour vous! Je traduis sans relâche, et le premier tome sera prêt quand vous recevrez cette letter. Васинька le fils de la bonne, Cato et moi, nous le recopierons, et dans deux semaines on le fera passer chez vous si vous l'ordonneres. Ecrivez-moi je vous en prie si je dois traduire le preface et l'épître dédicatoire, Maman dit qu'il ne faut rien oublier, que tout ce qu'a fait Mme de Genlis est admirable. Mais cette pauvre Mme de Genlis que je la plains d'être traduite par moi! – Au reste je ne me décourage pas, je pense que je traduis pour vous, et cette idée me donne de la patience pour résister à toutes les difficultés. – Le second tome sera prêt pour notre départ à Moscow» (РГБ, ф. 104, к. VI, № 41, л. 5об). [О мой дорогой кузен, Евдокия счастлива, что может сделать что-то для вас. Я без перерыва перевожу, и первый том будет готов, когда вы получите это письмо. Васинька, сын моей няни, Като и я, мы его переписываем и через две недели вам его пришлем, если вы распорядитесь. Напишите мне, я прошу вас, должна ли я переводить Предисловие и Посвящение. Маман говорит, что ничего нельзя забывать, что все, что сделала мадам Жанлис, великолепно. Но эта бедная мадам Жанлис, как мне ее жалко, что я ее перевела! – В остальном я не переживаю, я думаю, что я перевожу для вас, и эта мысль придает мне терпение, чтобы противостоять всем трудностям. – Второй том будет готов по приезде в Москву].

⁴ РНБ, ф. 286, оп. 2, № 45, л. 1–19об. В дальнейшем сноски делаются на эту копию перевода с указанием в скобках «РНБ» и листа.

⁵ Вопросы своеобразия прозы Жуковского и его издательской стратегии в «Вестнике Европы» получили освещение в исследованиях: Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск, 2004. С. 141–222; Киселев В.С. Метатекстовые повествовательные структуры в русской прозе конца XVIII – первой трети XIX века. Томск, 2006. С. 322–357.

⁶ Вопрос о программном значении переводов ранним В.А. Жуковским с английского – «Сельского кладбища» (Т. Грея) и «Опустевшей деревни» (из О. Голдсмита) – для формирования идеи народности в эстетике и творчестве поэта исследован в монографии Р.В. Иезуитовой: Жуковский и его время. Л., 1989. С. 101–119.

⁷ *Edgeworth M. Moral tales. Paris, 1827. P. 179.* Далее в тексте ссылки даются на это издание с указанием в скобках страницы.

⁸ Вестник Европы. 1808. № 20. С. 270. Далее в тексте ссылки даются на это издание с указанием в скобках номера журнала и страницы.

⁹ В первой и второй строфах баллады Бюргера говорится о Фридрихе: «Er war mit König Fridrichs Macht / Gezogen in die Prager schlacht / <...> / Der Rönig und die Kaiserin / Des langen Hadez müde, / Erweichten ihren harten Sinn, Und machten endlich Friede» [Он был властью Короля Фридриха / Призван на Пражскую битву <...> Король и Императрица, / Уставши от долгой распри, / Смягчили свой твердый нрав / И, наконец, заключили мир].

¹⁰ О роли М. Эджворт в пробуждении интереса Европы к Ирландии писал в 1818 году друг и почитатель таланта писательницы В. Скотт: «Ваша величайшая заслуга, в моих глазах, состоит в том, что Вы подняли свою нацию во мнении публики и познакомили всю остальную Британскую империю с интересным и своеобразным характером народа, так долго оставшегося в небрежении и так жестоко угнетаемого» (Переписка Марии Эджворт и Вальтера Скотта // Мария Эджворт. Замок Рекрэнт. Вдали Отечества. М., 1972. С. 298).

¹¹ Оценка принадлежит В. Скотту: «Мне особенно приятны в ней наивность и доброжелательная пылкость ума, которые у нее сочетаются со столь могучей и острой наблюдательностью. <...> Никогда не поверю, что у нее в кармане нет волшебной палочки, которую она вынимает, чтобы немножко поколдовать, прежде чем приступить к своим удивительным нравоописаниям» (из письма В. Скотта Джоанне Бейли от 11 июля 1823 г. // Мария Эджворт. Указ. соч. С. 313).

¹² Письмо М. Эджворт В. Скотту от 23 октября 1814 г. // Мария Эджворт. Указ. соч. С. 293.

¹³ Об этом речь идет, например, в статьях: «О счастья» (1809, № 1), «О нравственной пользе Поэзии (Письмо к Филалету)» (1809, № 3); в стихотворениях: «Щастие неизвестности» (1809, № 4), «Щастие уединения. Идиллия» М. Милонова (1809, № 9), «Щастие. Из Шиллера» Жуковского (1809, № 19) и др.

¹⁴ *Edgeworth M. Contes de Miss Edgeworth dédiés à la jeunesse. T. 1–4. Paris, 1840. См.: Библиотека В.А. Жуковского. Описание. Томск, 1981. № 967.*

¹⁵ Кроме вышеназванных повестей в библиотеке Жуковского сохранилось несколько изданий художественных произведений М. Эджворт на английском, французском и немецком языках: *Edgeworth M. Petite galerie morale, de l'enfance. Par Mme Loise Sw.-Belloc. Paris, 1825. T. 2. Op. 640; Moral tales. Paris, 1827. Vol. 1–2. Op. 963; Hélène. Traduit par L. Sw.-Belloc. Paris, 1834. №. 1–3, Op. 965; Ausgewählte Erzählungen. Stuttgart, 1840. Bd. 1–4. Op. 966.* Разрезанными оказались страницы только в 1-м томе, в котором напечатан роман «Елена».

¹⁶ Педагогические труды М. Эджворт представлены в библиотеке поэта следующими изданиями: *Education pratique. Par Ch. Puctet. Paris, 1801. T. 1–2. Op. 962; Education familière, ou Série de lectures pour les enfans, depuis le premier âge jusqu'à l'adolescence. Bruxelles, 1832. T. 7–8. Op. 964; Education familière ou Séries de lectures pour les enfans, depuis le premier âge jusqu'à l'adolescence, tirées de divers ouvrages. Paris, 1847. T. 1–12. Op. 968; Les jeuns industriels, faisant suite à l'Education familière. Paris, 184[?]. T. 1–8. Op. 969.*

¹⁷ См.: *Жулякова Э.М. А.П. Елагина в истории российского образования (по материалам переписки с В.А. Жуковским) // Вестник Томского госуниверситета. Сер. Филология. 2006. № 291. С. 267–275.*

¹⁸ Уткинский сборник. М., 1904. С. 101, 103. Далее в тексте ссылки на это издание даются с указанием в скобках «УС» и страницы.

¹⁹ После резкого критического отзыва В.Г. Белинского на русский перевод романа М. Эджворт «Елена», написанного в 1834 г. и появившегося в России в 1835 г. («Что такое мисс Эджворт? Горничная г-жи Жанлис и Коттэн, которая, наслушавшись их мудрости, приглядевшись к их манере, вздумала проповедовать в XIX веке ту мораль и рассказывать те поучительные и скучные вопросы, над которыми смеялись и в XVIII веке. Что такое «Елена»? Длинное и скучное, убийственно скучное поучение о том, что *девушка должна вести себя в свете с крайнею осторожностью и благоразумием, а пуще всего никогда не лгать и всегда говорить правду*» // Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1976. Т. 1. С. 427), стало общим местом называть роман слабым и неудачным, хотя в «Библиотеке для чтения» Сенковский называл «мисс Эджворт ныне первым и во всех отношениях лучшим романистом в Европе» (Библиотека для чтения. 1834. Т. 3, отд. 7. С. 67).

²⁰ Русский Архив. 1896. Кн. 1. С. 462.